АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

Снова о будущем: Есть ли перспективы у нынешней интеллигенции?

Сентябрьская аналитическая записка 2001 года *“О причинах «международного терроризма»: нищие духом — не блаженные, но опасно блажные”* начиналась так:

«“Новая газета” (№ 59 (702), 20 — 22 августа 2001 г.) в рубрике «Трудно быть человеком. Диалог с современником» опубликовала беседу с писателем Даниилом Граниным[1], озаглавленную “Требуется будущее”. Но прежде, чем обратиться к тематике беседы, приведём тот контекст, из которого мы взяли эпиграф[2]:

«Мне кажется, никогда ещё не было такой массовой потребности осмыслить своё прошлое, какая наблюдается у людей сейчас. Наше прошлое загадочно. Оно загадочно не столько по фактам, которые когда-нибудь ещё и ещё вскроются, а психологически.

Для меня это именно так. Фактов мне хватает. Я сыт ими по горло.

Я нищ методологически.

Факты не могут объяснить для меня самого главного — психологии людей. Забираясь назад, вглубь, каждый из нас останавливается в том пункте, далее которого ему идти уже невозможно; молодым людям проще — они идут налегке, не обременённые соучастием. Я говорю о соучастии не криминальном. Молекулярный уровень анализа позволяет мне рассматривать соучастие даже в мыслях. “Это было при мне, и я был с этим согласен”[3], — вот что я имею ввиду. Вот пункт, подле которого замедляется шаг, когда мы бредём назад, в собственную жизнь. Подле этого пункта мы занимаем круговую оборону и отстреливаемся до последнего патрона, потому, что последний бережём для себя».

Таково признание другого представителя благонамеренной либеральной интеллигенции — писателя Моисея Израилевича Меттера (литературное эссе “Пятый угол”, журнал “Нева”, № 1, 1989 г.). А благими намерениями вымощена дорога в ад, проходящая через тот именно пункт, возле которого предвидится «круговая оборона до последнего патрона». Причину же вынужденной необходимости «занимать круговую оборону» и «отстреливаться на неком психологическом рубеже до предпоследнего патрона», поскольку «последний патрон» предназначен для самоубийства, названа им правильно: это — методологическая нищета, если **методология — наука,**

- **во-первых, о МЕТОДАХ диагностики *разнородных* проблем и,**
- **во-вторых, о МЕТОДАХ выработки способов (рецептов) их разрешения».**

Когда работа над сентябрьской аналитической запиской дошла до этого места, она была прервана на несколько дней сообщением о террористических актах 11 сентября 2001 г. в США. После этого события тематика её во многом изменилась. Но изначально затронутая в ней проблематика *порождения будущего свершившимся прошлым и текущим настоящим* всё же требует освещения для того, чтобы будущее не стало воспроизведением прошлых нравственно-этических ошибок и злоумышлений, воплощаемых в жизнь на новом качественном и количественном уровне развития образования, науки, технологий и техники гло-

1 Даниил Андреевич Герман (настоящая фамилия) — автор популярных в среде «либеральной» интеллигенции романов “Искатели” (1954 г.), “Иду на грозу” (1962 г.).

2 Эпиграф был такой: «Фактов мне хватает. Я сыт ими по горло. Я нищ методологически».

3 Ещё на более глубоком уровне рассмотрения сопричастности, чем у М.Меттера, соучастие выражается во фразе: «Это было в моё время, но я оставлял это вне моего внимания и интересов».

бальной цивилизации. Поэтому спустя три месяца мы возвращаемся к беседе Кима Смирнова с Д.А.Граниным и прокомментируем некоторые выдержки из неё:

«В советские времена деньги мало что значили. Были другие вещи, заменявшие их, — власть, привилегии, должности, знакомства, блат. На деньги мало что можно было купить. Трагедия Остапа Бендера была неизбежна и символична[1]. Сегодня «Золотой теленок» читается совершенно иначе. Стремление Остапа приобрести миллион, не заработав его, — нормальное состояние многих, если не большинства, наших людей.

Мы все подверглись некоей бендеризации. И это чересчур[2]. То, что мы когда-то осуждали в капиталистическом мире, — культ денег, власть «золотого тельца» — настигло и нас. Причем в яростном виде. Наш переход к нормальным общечеловеческим ценностям проходит болезненно, с теми перехлестами, которые всегда были характерны для России, но еще и с переборами, характерными для раннего, бесчеловечного капитализма[3], от которого весь мир уже удалился на два-три века».

Как можно понять из этого, настоящее, — мягко говоря, — не радует и не восхищает тот слой интеллигенции, выразителем мнения которого является популярный в «тоталитарном» прошлом писатель — «либерал» и «гуманист». Настоящее не вдохновляет этот слой интеллигенции и вызывает у него некоторое омерзение. Если от действительности не удаётся укрыться в мечтаниях и грёзах, навеваемых киносериалами и прочим искусством, наркотой (почти общеупотребительные алкоголь и табак — тоже наркотики)[4], то остаётся апеллировать к прошлому и к будущему.

Прочувствованное в своём личном опыте прошлое для поколения людей, к которому принадлежит Д.А.Герман-Гранин (род. в 1919 г.), — это эпоха сталинизма, в отношении которой общество разделилось («державники», «тоталитаристы» — «за», «либералы», «гуманисты» — против); потом время надежд «хрущевской оттепели», обманувшей всех — и «державников», и «либералов»; а потом — беспросветный лицемерно-ханжеский показушно благообразный «застой», предшествовавший объявлению не менее лицемерной перестройки, приведшей к краху в её ходе и советского общества, и его официальной идеологизированной культуры.

Но именно в «оттепель» и в «застой» родились, выросли и получили образование большинство представителей ныне властного поколения политиков, бизнесменов, госчиновников, совокупная деятельность которых вызывает недовольство «либеральной» интеллигенции. Тогда — в «застой» — и произошла та «бендеризация» подростков и молодежи, которая так ущемила «либеральную» интеллигенцию в постсоветские годы. С одной сторо-

[1] Но кроме власти привилегий и прочего, чем были порабощены далеко не все граждане СССР, в советские времена у большинства была уверенность в завтрашнем дне, которую невозможно купить ни на какие деньги, поскольку она — следствие организации жизни общества как единого организма. И Д.А.Герман-Гранин клевещет на прошлое: в советское время (за исключением войн и кануна государственного краха СССР в 1991 г.) на деньги много чего можно было купить для того, чтобы жить; а вот на «большие деньги» действительно мало что можно было купить. Именно поэтому трагедии «Бендеров» были закономерны особенно до 1953 г., когда «ЗиМ» (роскошную машину тех лет) можно было купить за деньги, но только будучи легально высокооплачиваемым высококвалифицированным тружеником: шахтёром, машинистом локомотива, выдающимся учёным; но невозможно было купить на «левые» доходы товароведа, завскладом и т.п.

[2] То есть в небольших количествах «бендеризация» приемлема. А в тех, которые имеют место в России, неприемлема?

[3] «Нормальные общечеловеческие ценности» — термин далеко не однозначно разумеющийся «само собой». А из контекста абзаца можно понять, что если в 1950-е — 1960-е гг. интеллигенции хотелось «социализма с человеческим лицом», то десятилетний опыт реставрации капитализма привёл к тому, что желанен стал «капитализм с человеческим лицом».

[4] «Если к правде святой люди путь найти не сумеют — честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!» — это родилось в кругах интеллигенции. Но еще ранее такую позицию многих своих соотечественников охарактеризовал по существу её нравственности в ироничном стихотворении А.С.Пушкина «Герой»: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман»… — иными словами, обман, позволяющий превознестись, предпочтительнее истин, обозванных «низкими».

ны — массовыми тиражами начали издаваться “Двенадцать стульев” и “Золотой телёнок”, растлевавшие подростков примером стиля жизни «великого комбинатора», а с другой стороны — попытки последовать этому примеру в жизни только в редких случаях по отношению к их массовости пресекались правоохранительными органами государства. Но главное — то же партийно-чиновничье государство деятельно пресекало попытки борьбы с «бендеризацией» самих тружеников по их инициативе под тем предлогом, что заявление о том, что в нашем обществе такое возможно — клевета на общественный строй.

Это говорит о том, что в эпоху «застоя» лидеры «либеральной» интеллигенции не были «властителями дум» внутренней оппозиции партийно-чиновничьему строю, а пребывали в самомнении, что таковыми являются. Властителем дум был О.И.Бендер. Но опьянённая самомнением «либеральная» интеллигенция вспомнила о «бендеризации» только теперь, под давлением того обстоятельства, что маленькие «бендеры» выросли и занялись «великим комбинаторством» в бизнесе и в деятельности государственного аппарата. Пока же в годы застоя «бендеризация» — растление подростков — успешно осуществлялась в обществе, ни один голос против неё не прозвучал ни из стана советских «правозащитников», ни из уст «либеральной» интеллигенции вообще.

Однако, продолжим цитирование:

«Большая часть этих проблем, невзгод, несправедливости[1] досталась культуре и науке. Несмотря на то, что советское общество было устроено антиисторично[2], его наука развивалась довольно эффективно. И — хотя, может быть, это и идет вразрез с нынешними стереотипами — культура тоже. Рискну даже сказать, что у нас был золотой период искусства. Он ведь во многом определяется его вершинными достижениями. Но разве не вершины Шостакович, Прокофьев, Свиридов, Дунаевский, Соловьев-Седой, другие замечательные авторы советской песни? Писатели — Зощенко, Пришвин, Платонов, Паустовский, Каверин, Катаев, Шолохов, Булгаков, Ахматова, Твардовский, Ольга Берггольц, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Левитанский, Межиров... Кино — Довженко, Козинцев, Трауберг, Хейфиц. Театр вообще золотой — Товстоногов, Эфрос, Ефремов, Любимов...

— Акимов, Рубен Симонов, Гончаров...

— Да, я считаю — все это имена золотого периода культуры. И между тем это тоталитарный режим. Как тут связать концы с концами? Каково взаимодействие между тоталитарным режимом и такого рода расцветом (ставьте его в кавычки или без кавычек, как вам угодно будет)? Тут есть глубокие, мало еще нами обдуманные[3], осознанные причины.

Идеологи тоталитарного общества немало сил прилагали, чтобы представить культуру и науку визитной карточкой, парадным фасадом, знаменем этого общества. И наука, культура действительно стали играть роль знамени[4], что вообще-то им несвойственно. Но,

---

[1] Если не забывать о том, что «бендеризация» свершалась при прямом содействии и попустительстве деятелей культуры и науки (лжедипломов кандидатов и докторов наук сколько выдали?), то — справедливо пожинать плоды своей деятельности и бездеятельности.

[2] А каковы познания Д.А.Германа-Гранина в области истории, чтобы делать такие заявления? — Только те безжизненные однобокие и ущербные исторические мифы, которые культивировали в обществе историки-«тоталитаристы» и историки-«либералы». Ни одной работы, посвященной анализу культовых исторических мифов советского периода и постсоветского времени, в которой бы обнажилась правда истории, — из-под пера Д.А.Германа-Гранина не вышло; и, похоже, что уже не выйдет…

Не вышло и у А.И.Солженицына, хотя тужится он долго и старательно изображает жизнь не по лжи…

[3] А чем же вы занимались до этого несколько десятилетий? — вам-то, профессиональные интеллигенты — работники свободных творческих профессий, — каждый день к 7.30 — 9.00 ходить на работу и выкладываться в цеху, в поле, в КБ или НИИ, за «баранкой» и т.п., ведь, не приходилось. Было время подумать обо всём, о жизни общества, о её благоустройстве. А вот вопрос задали, а сказать-то оказывается и нечего. Дармоеды…

[4] Вообще-то наука и культура не только играли роль «знамени», «парадного фасада». Главное другое: они были доступны для освоения выходцам из семей простонародья всего многонационального советского общества. И это было резким контрастом по отношению к жизни России до 1917 г. И это же спустя почти столетие является резким контрастом по отношению к жизни большинства населения планеты в наши дни: на Земле 6 мил-

по природе своей призванные служить истине[1], они — непредсказуемо для тех, кто пытался наделять их идеологическими, пропагандистскими функциями, — нередко объективно становились как раз знаменем борьбы против лжи, казарменного, принудительного оптимизма, идеологического оболванивания».

Парадокс (с его точки зрения) состоит в том, что, если в развитии культуры в целом, науки и искусств, в частности, в советском прошлом и было что-то хорошее на взгляд Д.А.Германа-Гранина, то это хорошее как-то противоестественно не только пришлось на ненавистную «либералам»-«гуманистам» эпоху сталинизма, но образование, культура, искусства ещё и развивались при деятельной и непосредственной поддержке «тоталитарного режима»:

«Возьмите военную поэзию и прозу. Да, многое корежилось цензурой, было под запретом, ждало лучших времен в писательских столах. Но и в том, что печаталось, — сколько горькой правды! И «Спутники» Веры Пановой, и «Василий Теркин», «Дом у дороги» Александра Твардовского — это честные книги, пусть даже в них не вся правда о войне. «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова — безупречная правда. А ведь получили эти произведения Сталинские премии!Конечно, надо трезво понимать, что кто-то получал Сталинские премии, но кто-то — лагеря, ссылки; что и культура, наука находились под гнетом репрессий; что генетика в конечном итоге была замучена лысенковщиной и идеологическим террором. Но надо помнить и то, что в 20-е и даже 30-е годы будущие лауреаты Нобелевской премии — генетики приезжали в СССР учиться у Николая Вавилова.

Ну а как сейчас? Сейчас уже едут не к нам, а от нас. То, как обращаются у нас с наукой и культурой в течение правления последних 10—12 лет, постыдно. Это правление привело, по сути, к изгнанию из страны огромной части творческой, талантливой, наиболее активной части интеллигенции — ученых, музыкантов, художников. Их буквально выталкивали — и материальными невзгодами, и отношением со стороны государства по остаточному принципу.

Мы до сих пор не хотим, боимся опубликовать данные, сколько же ученых, деятелей культуры покинули страну за последние десять лет. А это ведь тысячи, если не десятки тысяч.

А почему? Почему в самых фирменных вузах Петербурга — Политехническом, Электротехническом — профессор получает в десять раз меньше, чем какая-нибудь девица, у которой главная заслуга — её бюст и которая сидит секретаршей в частном офисе или в канцелярии мэрии, приемной депутата? Ее зарплата начинается с 300 долларов[2], практически же она имеет все 500. А квалифицированнейший научный работник, стыдно сказать, — 50. Но, собственно, почему стыдно? То есть почему стыдно мне, а не нашей власти?»

лиардов населения и из них только 1 миллиард — «золотой», который сыт, одет, обустроен и которому доступно более или менее сносное образование, открывающее дорогу к творчеству и дальнейшему развитию науки и искусств.

[1] Не служить истине, а *выявляя истину, служить Справедливости.*

[2] Это пример недостоверности: в частном — притом ПРОЦВЕТАЮЩЕМ — бизнесе это действительно так. Но реально зарплата секретаря, офис-менеджера, референта и т.п. клерка в любой государственной или частной канцелярии гораздо ниже — на уровне профессорского эквивалента 50 долларов.

Другое дело, что хорошим секретарём, офис-менеджером, референтом, имея определённые психологические задатки, можно стать на основе всеобщего среднего образования за год — за два. Но требуется лет десять труда после получения высшего образования для того, чтобы стать профессором формально (действительная научная продуктивность многих профессоров конца застоя и современности проистекает из пословицы «учёным можешь ты не быть, но кандидатом [наук] быть обязан»).

И кроме того, что профессорам обидно за потраченные на делание карьеры годы, им надо вносить достойный вклад в семейный бюджет, что отличает их от юных секретарш, тем более от тех, которым платят от 300 долларов и выше просто за бюст, ноги и прочую «сексапильность». Действительно кому-то из склонных к проституции интеллекта может стать обидно, что он… не «секретарша» за 300 долларов.

На фоне достижений эпохи сталинизма в развитии образования, науки, культуры в целом названные Д.А.Германом-Граниным «достижения» эпохи либерализма, начатой 1985 г., затруднительно назвать иначе как вредительством: был причиной его злой умысел либо преступная халатность и отсутствие профессионализма у пришедших к власти реформаторов — «либералов» — для пострадавших от их политики значения не имеет.

Но в действительности этот парадокс — вовсе не парадокс жизни общества, а выражение во мнении *Д.А.Германа-Гранина и всех с ним согласных читателей* внутренней конфликтности их реальной — фактической, а не декларируемой нравственности. И соответственно на вопрос, завершающий приведённую выдержку, можно дать один единственный внутренне состоятельный ответ:

> Ныне государственная власть не ваша, граждане либеральные интеллигенты-индивидуалисты, претендующие на якобы самодостаточность своего творчества в искусствах и в науке. После 1991 г. установилась власть тех, от кого в годы сталинизма вас и защищал ненавистный и пугающий вас «тоталитарный режим», власть тех, кто при вашем попустительстве и активном содействии подвергся в своем подростковом возрасте и юности растлению «бендеризацией»[1].

То есть обществу, в том числе и многим представителям современной «либеральной» интеллигенции действительно было бы лучше работать и проще жить, если бы те, кто после 1985 года смог состояться в качестве политиков-реформаторов и бизнесменов, в ином варианте политики были бы обвинены в *извращении принципов социалистического строительства,* в государственной измене и в антиконституционной деятельности, направленной на свержение существующего социалистического строя, со всеми вытекающими из этих обвинений последствиями — для кого-то юридическими, а для кого-то психиатрическими.

Но и в этом варианте истории «либералы» интеллигенты были бы недовольны настоящим точно так же, как они недовольны и ныне, однако по другим причинам; а многих из числа тех, кто ныне «либералам» интеллигентам ненавистен и вызывает у них омерзение, в этом варианте истории почитались бы ими в качестве безвинных жертв «тоталитарного режима».

Это так потому, что **быть недовольным настоящим это — неотъемлемое свойство либерального интеллигента-индивидуалиста, претендующего на признание остальным обществом его творческого превосходства вне зависимости от содержания этого творчества.** А обстоятельства жизни, в которых он либо беспрепятственно выражает свое недовольство либо вынужден сдерживать свои «свободолюбивые порывы» — только фон, сопутствующий перманентному недовольству «либерала» интеллигента. «Либералам» же следует «лучше» знать историю, поскольку без этого невозможно понимание происхождения настоящего и невозможно видение задач общественного развития, решение которых предстоит в будущем.

И если обратиться к истории России в более давние времена, чем эпоха сталинизма, то к печали «либералов» выяснится, что периоды интенсивного развития науки и культуры в нашем Отечестве естественно совпадали с правлением деспотов: Пётр I[2], Николай I[3], Алек-

---

[1] И как знак их власти истуканы Бендера стоят во многих городах России и СНГ, а фестивали и прочие «междусобойчики» имени его — атрибут поддерживаемой вами же культуры.

[2] В царствование Петра I качественно изменился облик России: наука стала одной из профессиональных отраслей деятельности в обществе, промышленность в современном понимании этого термина, также возникла при нём.

[3] На царствование императора Николая I пришлись творчество А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, М.И.Глинки, Н.И.Пирогова. Адмирал М.П.Лазарев (командующий черноморским флотом, командир шлюпа «Мирный» в Антарктической экспедиции, герой Наваринского сражения, почитал его благодетелем); при нём построено здание нынешнего Александринского театра в Петербурге; по его указу было созданы Технологический институт в

сандр III[1] — приятно это или нет сознанию либералов — каждый по-своему в свою историческую эпоху положили начало государственной поддержке образования, науки, художественного творчества. И если названные деспоты в своей политике в чём-то были неправы, то по большей части это было следствием пороков их собственного воспитания и образования, а не следствием их намерений и усилий сделать Россию могучей державой, в которой благополучие всех её подданных (граждан — в современной терминологии, хотя это и не совсем одно и то же) надёжно защищены государством[2].

И похоже, что эта особенность свойственна «тоталитаризму» издревле. Во всяком случае, “Словарь античности” Йоханнеса Ирмшера и Ренаты Йоне[3] сообщает, что *тирания как форма государственной власти, возникла в Греции в конце VII в. до. н.э. в процессе борьбы между разлагавшейся аристократией и растущими народными массами;* появлялась прежде всего в городах с высокоразвитой экономикой; законодательство при тирании формально сохранялось почти всегда, хотя в полисах устанавливалось единоличное правление. Тираны проводили политику, направленную на улучшение положение демоса, оказывали всяческую поддержку развитию ремесла и торговли, изобразительного искусства и поэзии.

Соответственно, негативная оценка тирании впервые была дана в период так называемого «демократического правления», отрицавшего основополагающий принцип тирании — единовластие и подчинение всех единовластию.

И потому казалось бы, что история, и не только России, предлагает политически активной части населения выбор одного из двух:

- либо «тоталитаризм», в меру своего понимания справедливости и стратегических интересов общества,
  - с одной стороны, — дающий гарантии обеспечения их спокойной жизни большинству простых людей и оказывающий государственную поддержку образованию, науке и художественному творчеству как отраслям развития культуры, и,
  - с другой стороны, — безжалостно подавляющий заведомых негодяев, а кроме них — интеллектуалов (непонятых, понятых, но не признанных им так называемых «безвинных гениев», возводимых впоследствии в ряде случаев в ранг «посланцев будущего»), по тем или иным причинам показавшихся опасными для устойчивого существования режима.
- либо «либерализм» — как свобода индивидуализма от контроля за его деятельностью со стороны «полицейского государства», когда каждый действует по способности не толь-

---

Петербурге, Московское высшее техническое училище, носившее его имя в дореволюционные годы (оба вуза променяли в годы реформ свои уникальные наименования на заурядные: «технический университет»).

[1] По инициативе Александра III, хотя и после его смерти, был создан Русский музей; в годы его царствования при государственной поддержке начато строительство Транссибирской магистрали, разрабатывались проекты освоения Кольского полуострова, только отчасти осуществленные уже в годы советской власти; бурный рост промышленности в его царствование (он сразу строил государственно-монополистический капитализм) востребовал создание Санкт-Петербургского политехнического института (был основан в 1999 г. спустя пять лет после смерти Александра III, ныне тоже стал одним из многих «технических университетов», отрекшихся от своего уникального имени).

[2] Зато периоды «либерализма» характеризуются падением уровня социальной защищённости, а произведения искусств в их большинстве деградируют в технике исполнения. Но это формальная сторона. А содержательная сторона состоит в том, что они начинают взывать не к разуму и совести людей, а к инстинктам, домогаясь поработить ими разум, а из психики — исключить совесть.

В предельном случае они пытаются представить в качестве общественно допустимой нормы извращения половых инстинктов, что представляет собой прямую биологическую опасность для жизни вида «Человек разумный». Иными словами вопрос о правах “сексуальных” меньшинств — к области прав человека не имеет ни малейшего отношения, поскольку “сексуальные меньшинства” — извращение природы человека.

[3] Лейпцигское издание 1987 года. Его трудно заподозрить в проповеди «тоталитаризма» в том числе и потому, что официальные власти Германии до сих пор очень щепетильны в отношении всего, что можно истолковать как продолжение ими политики третьего рейха.

ко в отношении неодушевленных предметов, но и в отношении других людей, что приводит к беззастенчивому засилью ненасытно алчных негодяев в государственной и хозяйственной власти, которое влечёт за собой крах образования, науки, художественного творчества и завершается установлением охранительного по отношению к ним деспотичного «тоталитаризма».

Однако это не так: выбор в действительности шире. Но чтобы понять, в чём состоят альтернативы «тоталитаризму» и «либерализму», надо понять многое в природе исторически реальных «тоталитаризма» и «либерализма». Приведём некоторые афоризмы историка В.О.Ключевского, относящиеся к этой же проблематике:

«Творцы общественного порядка обыкновенно становятся его орудиями или жертвами, первыми — как скоро перестают творить его, вторыми — как скоро начнут его переделывать»[1].

По отношению к опыту еще только предстоявшего социалистического строительства в России (В.О.Ключевский умер в 1911 г.) другой его афоризм, проистекающий из хорошего знания им истинных нравов его современников, гласит:

«Общество Праведного Общежития, составленное из негодяев».

Понятно, что такое общество невозможно. Праведное общежитие — *естественный* итог продолжительной непреклонности в праведности многих и многих людей во многих поколениях, в результате чего возникает иная культура, качественно отличная от известных нам по историческому прошлому, которая не способна воспроизводить негодяев и в обществе которой негодяям нет места.

Но в исторический период зарождения, развития и становления праведной культуры, праведность негодяям — помеха. А те, кто нестоек в праведности, — неизбежно будут пособниками негодяев либо на протяжении всей своей жизни, либо в разные её периоды и мгновения; и как следствие — от репрессий, благонамеренно направляемых на защиту становления новой культуры от негодяев, неизбежно страдают и многие окружающие как вследствие целенаправленных усилий негодяев, желающих прийти к власти на волне недовольства необоснованными репрессиями, так и вследствие пособничества им нестойких в праведности и безнравственных услужливых холопов, готовых служить всякой власти.

Однако один из наиболее опасных штурмовых отрядов негодяев и их случайных и невольных пособников (в понимании истории В.О.Ключевским) составляют именно «либералы»:

«Начитанные и надорванные либеральные дураки, производящие впечатление умных только на таких же надорванных, но не столь начитанных дураков. Недовольны всем настоящим, а прошлое ругают за то, что непохоже на настоящее. Сентиментально-озлобленные бурсаки киевско-могилёвского покроя». «На что им либерализм? Они из него не могут сделать никакого употребления, кроме злоупотребления»[2].

Такими афоризмами В.О.Ключевский охарактеризовал почитавшиеся прогрессивными в кругах либеральной интеллигенции России с середины XIX века устремления к переустройству общества на принципах социализма, предсказывая тем самым неизбежные злоупотребления негодяев и их пособников при попытке осуществления этих идеалов на практике. Хотя злоупотребления 1917 — 1940-х годов и привели к некоторому шоковому отрезвлению интеллигенции, однако вопрос о негодяях не привлёк к себе должного внимания представителей «либеральной» интеллигенции.

---

[1] Здесь и далее афоризмы В.О.Ключевского приведены по собрание сочинений в 9 томах: Москва, изд. «Мысль», 1989 г., т. 9.

[2] Справедливость обоих высказываний подтвердила вся история СССР — России после 1985 г. Если в общественное устройство в государствах постсоветской Прибалтики формально демократическое, то по сути своей это националистический полицейский тоталитаризм. Поэтому парадные улицы Риги и Таллинна никак нельзя отнести к достижениям либерализма.

Представители «либеральной» интеллигенции претендуют возвести своё сословие в ранг не только «мозга», но и «совести нации» и «гласа народа», утверждая что только через интеллигенцию народ говорит с другими народами, Богом, потомками. Поскольку же негодяи и нестойкие в праведности рассредоточены по всем формально различимым социальным группам[1], вопрос о негодяйстве в собственной среде и личном негодяйстве каждого из них — вопрос крайне неприятный для претендентов на роль «совести нации». И потому «либералы» вопрос о собственном негодяйстве всегда и повсеместно обходят стороной, не вдаваясь в подробности.

Поэтому, сталкиваясь с тем, что какие-то идеалы прошлых поколений «либералов» не удалось воплотить в жизнь, «либералу» последующих поколений предпочтительнее сослаться на природу вообще[2] и на природу человека, в частности, и на этом основании объявить прошлые идеалы ложными и несбыточными, а нечто скотское возвести в ранг истинных идеалов либо гласно, либо молчаливой покорностью с его утверждением. Так проще — это не требует переосмысления и переустройства своей собственной нравственности и этики и не вызывает на себя ненависть негодяев.

> Из этого нежелания заниматься вопросом о негодяйстве и негодяях в каждую историческую эпоху и проистекает иллюзия неизбежности нескончаемого круговорота: либерализм, тоталитаризм, либерализм, тоталитаризм…

Внутренний механизм которого состоит в том, что репрессий от «тоталитаризма» некоторое количество негодяев ускользает, изображая из себя добропорядочных людей и подставляя под репрессии других людей, а культура всякого толпо-“элитарного” общества воспроизводит новых негодяев, которых дисциплина «тоталитаризма» тяготит. В результате негодяи отказываются от дисциплины вообще, под лозунгами «либерализма» устремляются к захвату государственной власти, оттесняя от неё искренних благонамеренных «либералов», которые в годы «тоталитаризма» были убеждены, что если скрепы «тоталитарного» режима убрать, то всё в жизни сразу станет хорошо, поскольку проявится истинная природа человека, угнетаемая и извращаемая «тоталитаризмом». Однако истинная «природа человека» разная: человек может быть носителем животного строя психики, строя психики биоробота зомби, демонического строя психики, и человечного. Поэтому, если скрепы убрать, то свободу обретает демонизм, которому носители типов строя психики животного и зомби сопротивляться не могут[3].

Марк Аврелий (121 — 180), философ-язычник, римский император со 161 г., сказал: «Безумие думать, что злые не творят зла». Пребывая в «тоталитаризме», «либерал» по отношению к «тоталитарному» режиму полностью убеждён в правоте этого утверждения. Однако он не задумывается о том, что оно справедливо и по отношению к ситуации возможного освобождения от скреп «тоталитарного» режима и страдает другим безумием: «Безумие думать, что злые не способны творить зло». Зло же они творят, если им предоставляется такая возможность. «Тоталитаризм» часть такого рода возможностей закрывает.

Об этом В.О.Ключевский писал так:

«Самодержавие нужно нам пока как стихийная сила, которая своей стихийностью может сдерживать другие стихийные силы, еще худшие». «Есть люди, которые становятся скотами, как только начинают обращаться с ними, как с людьми».

---

[1] Включая и «святую инквизицию», если она возникает в обществе.

[2] Д.А.Герман-Гранин: «Советское общество было устроено антиисторично», — образчик такого рода деклараций.

[3] О типах строя психики и их взаимодействии в жизни общества друг с другом см. “Принципы кадровой политики: государства, «антигосударства», общественной инициативы”, а также работы “О расовых доктринах: несостоятельны, но правдоподобны”, “Диалектика и атеизм: две сути несовместны” и др.

В этих афоризмах по сути дана оценка несостоятельности «либеральных» притязаний на устранение «тоталитаризма»:

Если какой-то «тоталитаризм» плох, то прежде чем его разрушить, — следует выявить того «джина», который обретёт свободу в результате этого разрушения, и подумать о том, как этого «джина» усмирить или перевоспитать.

Но об этом «либералы» даже не всегда спохватываются после того, как «джин» выпущен ими на свободу. Однако при всей своей беззаботности по жизни «либерал» интеллигент неизбежно оказывается перед вопросом:

— Ну а наш с вами современник, ответствен ли он лично за всё, что случилось и еще случится со страной, или это все уже предопределено без нас с вами?

— Проблема личной гражданской ответственности сегодня похожа на чесотку[1]. Жизнь политизирована до предела. Хочется как-то вмешаться, исправить, повлиять на то, что делается в стране, а возможности нет. По сути, появляется она только в предвыборных кампаниях и на выборах. Раз в четыре года. И отсюда разочарование, пассивность, усталость людей. Понимание того, что от моей личной общественной активности ничего не зависит. Я вам больше скажу: связано это с тем, что у нас нет ясной цели, ясного будущего нет[2]. Мы никак не хотим смириться с фактом: наше общество уже идет по капиталистической дороге. И утешаем себя какой-то особой миссией России, особым её путем. Что это за путь, куда он ведет, никто толком не знает. Идея жизни сузилась до собственного кармана. Мы еле удерживаемся, чтобы не зарасти шерстью, не рычать.

— Но что это за капиталистический путь, который выбрали нынешние российские власти, тоже ведь толком никто не знает. Та капиталистическая догма, которая сегодня навязывается России, она какая-то из XVII — XVIII веков, из периода первоначального накопления, а не из мировых реалий XXI века, не из опыта стран, где социальные проблемы, пусть с трудом, но все-таки решаются.

— И там внутренние конфликты есть. Но там, в Германии или Швеции, например, есть ориентиры, нацеленность на улучшение жизни всего общества[3]. При советской системе мы терпели коммунальные квартиры, карточное и талонное распределение, репрессии даже терпели во имя так называемого светлого будущего. То есть была пусть иллюзорная, но программа жизни. Сегодня такой программы не видно. Нет будущего. Требуется будущее! Но его поисками пока никто серьезно не занимается[4]. Иметь идею будущего — значит, иметь стимул истории.

---

[1] Очень знаменательное для характеристики либерала-интеллигента уподобление вопроса о личной ответственности и заботе о благе всех: чесотка, донимающая грязнулю, не желающего избавиться от въевшихся в него паразитов.

[2] Но вы же, «либералы» интеллигенты — «мозг нации», «совесть нации». Если это так, то цели должны быть ясными, будущее ясным. В противном случае будьте хотя бы честны и признайте, что прав был ненавистный вам В.И.Ленин: интеллигенция — «либеральная интеллигенция» — не мозг нации, а говно.

Или в более деликатной формулировке В.О.Ключевского: «Российская интеллигенция — листья, оторвавшиеся от своего дерева: они могут пожалеть о своем дереве, но дерево не пожалеет о них, потому что вырастит другие листья».

[3] А с чего Д.А.Герман-Гранин взял, что западные ориентиры на будущее не иллюзорны? Чтобы так завидовать чужому будущему, надо видеть множественность его возможных вариантов, а кроме того — надо видеть и то, как Запад движется к наилучшему из них. Но если это видеть, то не будет проблем и с видением собственных многовариантных перспектив; и как следствие — не будет проблем с выбором и собственного реально осуществимого как минимум приемлемого будущего.

[4] И опять вопрос: «А что же вы, интеллигенты — работники свободных профессий, делали долгие годы?» — Вам ведь не надо было, как всем прочим, ходить каждый день на работу и проводить там весь день. Дать идеал будущего, на осуществление которого всем остальным захотелось бы работать — ваш общественный долг. А то, что вы дали — всякая «сахаровщина» и западно-капиталистическая модель производства и распре-

Когда мы говорим о роли личности в истории, то имеем в виду всегда руководителей, вождей. Но какова при этом роль простого, рядового человека — главной в истории личности? И не когда-нибудь, а именно сегодня?

— У вас есть ответ?

— Вы ко мне обращаетесь не по адресу, я не политолог, не философ.

— Я обращаюсь к вам как к главной личности в истории — просто человеку.

— Я писатель, и мое дело — ставить диагнозы, а не давать рецепты. Я реагирую на боль».

Но действительно ли нет возможностей повлиять на будущее, сотворить его праведно, вследствие чего остается только скулежом реагировать на боль? либо имеет место что-то другое?

На наш взгляд имеет место другое и это «другое» состоит в том, что именно индивидуалисту:

- *«тоталитаризм»* неприемлем потому, что требует подчинить творческие способности обеспечению благополучия государства. При этом либеральному интеллигенту неприемлем сам принцип необходимости подчинения его деятельности государству, и его не интересует, в чём и насколько «благополучие государства» совпадает с «благополучием общества в целом»; чем следует поступиться и перетерпеть сегодня для того, чтобы будущее было светлым и радостным, а не ужасным и беспросветным.

  Кроме того «тоталитаризму» сопутствует развитие чиновничества как профессиональной корпорации или общественного класса, с точки зрения которого всё остальное общество существует только для того, чтобы чиновничество им правило. Иными словами, с точки зрения чиновничьей, все остальные люди должны подстраиваться под бюрократический чиновничий режим, но никак не режим должен подстраиваться под потребности людей, составляющих общество. И это чиновничество, перестающее служить обществу, действительно является злом;
- *«либерализм», в котором более крутые индивидуалисты выпихивают менее крутых индивидуалистов с насиженных мест, оттесняя их от кормушки,* неприемлем потому, что в нём «либералу»-неудачнику не удалось самоутвердиться, продавая себя таким каков он есть досужей публике и заправилам режима.

  Те же индивидуалисты, которым удалось самоутвердиться, «либерализмом» вполне довольны до тех пор, пока не сталкиваются с его порождением: в условиях «либерализма» рядовые бытовые негодяи собираются в стаи, образуя собой мафии, которые с течением времени начинают подчинять себе поодиночке чиновников государственного аппарата, в результате чего мафиозный контроль государственной власти оказывается для общества ничуть не лучше, нежели раздувшееся чиновничество «тоталитаризма».

Исторически реально и чиновничество «тоталитаризма» и мафии, выпущенные на свободу и взращённые «либерализмом», оказываются подконтрольны масонству (на Западе) и аналогичным по характеру системам посвящений (на Востоке). Но этого приверженцы «либерализма» в упор не желают видеть. Однако вне зависимости от того, что с точки зрения «либерала»-интеллигента плохо в настоящем: «тоталитаризм» либо «либерализм»? — сам «либерал»-интеллигент в его самомнении всегда безупречен; а если всё же и не безупречен, то — с его точки зрения — заведомо лучше многих его окружающих.

Отсюда в его, с позволения сказать, мыслях и проистекает иллюзия, что «третьего не дано», что «история не знает сослагательного наклонения», а самому «либералу» остаётся только «реагировать на боль» и скулить, поскольку при методологической нищете правильно ставить диагнозы и давать эффективные рецепты — ему не по силам.

деления в петле корпоративно-банковского иудейского ростовщичества и «бендеровщины» — в условиях России оказались нежизнеспособными. Дармоеды вы…

Но последние признания по своему существу означают, что «либерал» не способен к жизни на свободе без опеки «тоталитарного» режима, который загонит выпущенного либерализмом «джина в бутылку» или перевоспитает его, и даст начало новому витку развития культуры, в котором возможно произойдёт становление такой культуры, когда на человека, не способного дать ответы на предложенные Д.А.Герману-Гранину вопросы, будут смотреть как на душевнобольного…

Мы живём в той фазе известного по прошлой истории круговорота «тоталитаризм», «либерализм», «тоталитаризм»…, когда в очередной раз выявилась несбыточность надежд того поколения «либералов», чья юность пришлась на годы сталинизма — годы застоя. Если оставить в стороне фашистов из СПС и «Яблока»[1], изображающих из себя «либералов» и демократов, и фашистов-марксистов всех мастей, чьи надежды на построение в России капитализма «с ОБЩЕчеловеческим лицом» или социализма и коммунизма на основе марксизма несбыточны по независящим от них причинам, то эта фаза известного по прошлой истории круговорота «тоталитаризм», «либерализм», «тоталитаризм»… казалось бы благоприятствует расцвету «тоталитаристов» «державников».

Однако, прежде чем говорить об этом, необходимо указать на различия «тоталитаризма» «державников» и «тоталитаризма» фашиствующих буржуазных демократов, интеллигентов-«либералов» из СПС и «Яблока»:

- идея державности в России предполагает свободу институтов государственной власти от закулисного мафиозного диктата глобального масонства, хотя при этом неизбежна подконтрольность государственного аппарата интеллектуалам-державникам, развивающим традицию прошлого сообразно складывающимся историческим обстоятельствам. В этом и состоит самобытный путь развития России;
- буржуазная демократия по западному образцу — представляет собой диктатуру хозяев раввината, заправляющих масонской и банковской мафиями, однако оформляющую свои политические решения при посредничестве обеих мафий через публичные якобы независимые ни от кого демократические процедуры общества.

Иначе говоря, «тоталитаризм» «державников» — открытый, а идея честного служения государству, защищающему всех своих верноподданных (граждан), проповедуется ими как неоспоримое благо[2].

«Тоталитаризм» фашиствующих интеллигентов «либералов» — скрытый: на всеобщее обозрение они выставляют публичные демократические процедуры, формальную свободу высказываний СМИ от государственного контроля за содержанием публикаций и т.п. А в умолчаниях остаётся мафиозная деятельность высшего раввината, международной банковской ростовщической мафии, и масонства.

Если их принудить об этом говорить, то всё это будет выставляться ими на показ как частное дело отдельных лиц и «национальных меньшинств», которым вправе заниматься и все прочие люди: принимай иудаизм, вступай в масоны (но на фига тебе их мистика? — надо быть прагматичным), иди в банковский сектор и работай в нём — кто тебе мешает, если у тебя есть к этому талант?…

Но обсуждения расовой доктрины Второзакония-Исаии установления мирового господства посредством скупки мира на основе ростовщичества[3], на которую работают и раввинат, и масонство и ростовщическая банковская мафия, и последствий её осуществления — этой темы они избегают. Если же их принудить и к этому, то в ответ последует: «Если бы не

---

[1] Почему они — фашисты, хотя общество и не впало в фашизм, см. ноябрьскую 2001 г. аналитическую записку “Большевизм в Богодержавии — единственное лекарство от фашизма”.

[2] Сама же форма государственного правления с точки зрения тех из них, кто не зациклился на чём-то определённом (монархия, партийная диктатура и т.п.), может изменяться так, чтобы наилучшим образом обеспечивать управление делами общества в складывающихся исторических обстоятельствах.

[3] Она изложена цитатами из Ветхого и Нового библейских наветов на Бога почти во всех книгах ВП СССР.

ростовщичество, которое превратило сокровища в капитал, на основе которого ведётся производство, то вы бы до сих пор сидели при лучине и испражнялись бы на морозе с голым задом…»[1]

> То обстоятельство, что под кнутом ростовщичества научно-технический прогресс обогнал нравственно-этическое и духовное в целом развитие человечества и представляет опасность для самого существования цивилизации и биологического вида «Человек разумный» — в их мышление не укладывается.
>
> Это соотношение принципов «державности» и «либерализма» показывает, что при всех реальных и мнимых ошибках «державников» и возможных злоупотреблениях с их стороны, **«либерализм» в России — в принципе неисправимая мерзость и гнусность** при всей *чарующей привлекательности* его «гуманистических» лозунгов, **реально не осуществимых в жизни толпо-“элитарного” общества, не вызревшего до человечности**.

Однако перспективы представителей «державного» крыла отечественной интеллигенции не лучше, чем у «либералов». Один из наиболее известных ныне в качестве пропагандистов «державности» — кинематографист Никита Сергеевич Михалков[2]. “Российская газета” в номере от 11 декабря 2001 г. в рубрике «Деловой завтрак» опубликовала интервью с ним, озаглавив его “Мы узнаем «как жить», когда задумаемся «зачем жить»”.

Но поскольку Н.С.Михалков кинематографист, а киноискусство — один из языков в современной культуре, то прежде, чем обратиться к анализу высказанного им в интервью *на словах,* чтобы лучше понять его слова, полезно посмотреть на роль кинематографии в жизни общества и на особенности творчества Н.С.Михалкова в общем потоке кинофильмов СССР и России.

Н.С.Михалков — создатель многих художественных фильмов, снятых не только технически совершенно на высоком профессиональном уровне, *но и с чувством, благодаря чему на протяжении всей его творческой биографии они вызывают интерес множества зрителей по всей стране.* Однако его фильмы обладают одним странным свойством — не живут они: спустя непродолжительное время после их выхода на экран и почти всеобщего интереса к ним, они забываются, а включение их в программу телевещания — оставляет множество их прошлых восторженных зрителей равнодушными: они не желают сопереживать их персонажам заново. Конечно, у Н.С.Михалкова есть «свой зритель», который всегда ждет его фильмов и смотрит их с удовольствием, но «свой зритель» есть у всякого кинематографиста, кто смог удержаться в киноиндустрии достаточно продолжительное время.

Технический уровень, — а в каких-то эпизодах и художественный — таких фильмов как “Белое солнце пустыни”, “Семнадцать мгновений весны”, “Белорусский вокзал”, “А зори здесь тихие”, “Большая семья”, “Небесный тихоход”, “Кубанские казаки” ниже, чем “Нескольких дней из жизни Обломова”, “Жестокого романса”, “Утомлённых солнцем”, но они живут, снова и снова вызывая к себе интерес не только у поколений, бывших современниками отображенной в них эпохи, но и у молодежи… по крайней мере у той её части, которая не одурела от «рок-музыки», пива и дурманов покрепче. А фильмы Н.С.Михалкова — при всём их художественном совершенстве — не живут, в отличие от многих — даже казалось бы лубочно-«пропагандистских» — фильмов прошлого.

Хорошо это или плохо? — на этот вопрос можно ответить однозначно, но только поняв возможные причины такой реакции зрителей.

- Такое безразличное отношение к прежде с восторгом просмотренным фильмам может быть результатом того, что общество — люди его составляющие — с их помощью ре-

[1] Смысл этого ответа не выдуманный, а полученный в ходе дискуссии на одном из форумов в интернете.

[2] Председатель Союза кинематографистов России, президент Российского фонда культуры.

шили некие задачи своего личностного и общественного развития, после чего старые фильмы стали обладать значимостью только как иллюстрации к школьному или вузовскому учебнику истории, а также для профессионалов учёных-историков и новых поколений кинематографистов, входящих в профессиональную деятельность.

- Но может быть и другое: забытые таким образом фильмы — миражи-пустоцветы[1], действительно красивые, однако с помощью которых никакие задачи личностного и общественного развития решены быть не могут. И общение с таким искусством — не отдых, а разновидность опьянения, увлечение которым неизбежно приведёт к жестокому похмелью (приход похмелья — вопрос времени).

Действительно ли фильмы Н.С.Михалкова быстро утрачивают жизненность? и какое из двух мнений о причинах этого соответствует истине? — пусть каждый читатель решает сам для себя.

Мы привыкли к фильмам, названным в противопоставление фильмам Н.С.Михалкова, и ко всем фильмам советской эпохи потому, что они — часть той культуры, на которой мы — ныне взрослые поколения — выросли. Однако в последнее десятилетие средства массовой информации пытались сформировать в обществе к ним предвзятое отношение: дескать — пустая и вредная пропаганда, сюжеты которой ничего общего не имеют с реальной жизнью в СССР тех лет (в этой кампании оплёвывания особенно досталось “Кубанским казакам”). При этом те же самые обличители киноискусства советского прошлого не считают пропагандой, тем более вредной пропагандой, всю ту чертовщину, порнуху и мордобойщину на Земле и в Космосе, которую массово производят киностудии США и которая заполнила экраны России в последнее десятилетие.

Но когда в 2000 году в Нью-Йорке прошёл показ 37 советских фильмов времён сталинизма и начала шестидесятых годов, то вся тамошняя кинокритика в один голос восторженно заявила: **«Это какая-то иная цивилизация!»** — Чтобы понять причину именно такой реакции на старые (и технически несовершенные в сопоставлении с последними голливудскими техношедеврами) фильмы советской эпохи, надо вспомнить другое событие. В середине 1990-х гг. по Европе с триумфом прошла выставка произведений советского изобразительного искусства и скульптуры эпохи сталинизма. Она гостила и в России: в Русском музее она демонстрировалась под названием *“Агитация за счастье”. — Вот это и есть суть кинематографа эпохи сталинизма,* сохранённая лучшими мастерами кинематографии России в последующие годы. Посмотрев 37 советских фильмов, американцы отреагировали не просто на пропаганду неведомо чего, а прореагировали они на агитацию *за счастье всех и каждого в обществе, жизнь которого организована на иных нравственно-этических принципах*. Вот эта суть — агитация за счастье, которое необходимо осуществить в жизни трудом самих людей и их этикой — и есть то, что не укладывается в нравственно-извращённые умы обличителей киноискусства советской эпохи, и сталинской — в особенности.

И эта *агитация за счастье* по её существу куда как более конструктивна и созидательна нежели вся голливудская мордобойщина на Земле и в Космосе, порнуха и чертовщина, которую ежедневно выпускает на россиян телевидение по всем каналам и которую можно назвать «агитацией за катастрофы и непреходящее несчастье». И то, что это действительно так, — криминалисты США знают, поскольку во всей статистике преступности выявлена доля осознанного подражания экранным негодяям и киногероям, загнанным в угол обстоятельствами сценария. Но есть и доля неосознанного — бессознательного — воспроизведения людьми в жизни экранной жути в результате программирования и возбуждения психики

---

[1] В воззрениях на искусство, которое может быть якобы самодостаточным в самом себе, мы согласны с мнением А.К.Толстого, которым он завершил стихотворение “Порой весёлой мая…”:

«38. Нет, полн иного чувства, / Я верю реалистам: /**Искусство для искусства / Равняю с птичьим свистом;** // *39. Я, новому ученью / Отдавшись без раздела, / Хочу, чтоб в песнопенье / Всегда сквозило дело. // 40. Служите ж делу струны! / Уймите праздный ропот! / Российская коммуна, / Прими мой первый опыт!*»

кинофильмами[1]. И терракты 11 сентября 2001 кроме всего прочего — апофеоз воздействия американской киноиндустрии на жизнь американского общества. И не случайно сразу же после 11 сентября американцы в шоке пожелали снять с проката множество фильмов со сценами насилия. Но надолго терпежу у них не хватит: в условиях буржуазного «либерализма» прибыли частного бизнеса важнее безопасности общественной жизни.

Теперь обратимся собственно к интервью Н.С.Михалкова. Это интервью среди всего прочего затрагивает некоторые вопросы социологии, в том числе и вопрос о сотворении будущего:

«— Мы более-менее научились снимать и снимаем кино о прошлом. О настоящем интересных фильмов нет. Про будущее вообще мы ничего не снимаем. Почему так происходит? (Арина Слобко, Санкт-Петербург.)

— Чехов как-то сказал, что русские обожают свое прошлое, ненавидят настоящее и боятся будущего. Но ведь будущее, которого ты боишься, превращается в то настоящее, которое ты ненавидишь и в то прошлое, которое ты обожаешь. Круг замыкается.

А то, к чему нас приучают СМИ, что наша жизнь в результате заканчивается программой “За стеклом”. Сегодня существует потребность в том, чтобы люди, которые живут, творят, развиваются (у нас же не только олигархи или воры), наконец, поняли, что другой родины у нас нет.

Иван Ильин любил одну фразу: “Не жалуйся на действительность, ибо ты для того и рожден, чтобы сделать ее лучше”. Нужно увидеть в происходящем ростки того будущего, на которое ты в результате можешь надеяться».

Но если быть интеллектуально строгим, т.е. вдуматься в смысл вопроса и в смысл данного ответа, то неоспоримо: Н.С.Михалков уклонился от ответа по существу. Поэтому придётся пояснить и Чехова, и Михалкова, но не по словам, а по жизни.

Начнём с того, что далеко не все в России, тем более далеко не все русские, обожают свое прошлое. А.И.Герцен писал в предисловии к своему историческому сборнику: *«Далее еще не позволяют нам знать историю. Русское правительство как обратное провидение устраивает к лучшему не будущее, но прошедшее».* То есть, исторически реально в обществе сначала создаётся благообразный с точки зрения его заказчиков культовый исторический миф, который отождествляется с исторически реальным прошлым. И только после этого, этим мифологизированным прошлым начинают гордиться подпавшие под его власть, обожая их якобы историческое прошлое.

Поскольку нравственно-этические ошибки прошлого из этого культового мифа удалены в умолчания либо представлены как благо, то коллективное бессознательное общества в настоящем работает так, что воспроизводит их непрестанно, формируя тем самым будущее. Человек всё же не бесчувственное создание, он ощущает что что-то в жизни происходит не так. В результате ему ненавистно настоящее, а будущее, в направлении которого течёт настоящее, неся в себе тенденцию воспроизвести неприятные эпизоды праведно не переосмысленного прошлого, — его пугает.

Но в настоящее превращается не только то будущее, которого ты боишься. Будущее неизбежно состоится в сочетании того, что обусловлено праведно не переосмысленным *мифологизированным неправедным прошлым,* и того, что обусловлено осознаваемыми устремлениями на будущее. Успехи СССР в сталинскую эпоху во многом были обусловлены тем, что агитация за счастье всех и каждого в построении общества, где человек человеку — друг, товарищ и брат, — находила отклик в душах миллионов людей; и прежде всего, — в душах молодежи тех поколений, которые победили в Великой Отечественной войне, которые создали ракетно-ядерный щит и первыми вышли в космос.

---

[1] Она может быть выявлена как падение преступности в ответ на прекращение демонстрации насилия и чертовщины в кино и на телевидении, однако заправилы киноиндустрии и проката в США на это не пойдут: прибыль любой ценой.

В годы «застоя» агитация за счастье сменилась «бендеризацией», о которой уже было сказано; а в качестве альтернативы «бендеризации» — агитацией за бессильный скулеж ушедшего в себя и в профессию не очень порядочного человека (“Осенний марафон”, “Полёты во сне и на яву”, “Блондинка за углом” — примеры такого рода альтернатив «бендеризации»).

При этом надо помнить и то, что ясно выраженным праведным идеалам будущего надо соответствовать нравственно, поскольку общество праведного общежития не может быть составлено из негодяев и их пособников. Если этого соответствия идеалов праведности реальной внутренней нравственности нет, то получается как после 1917 г., когда вместо воплощения в жизнь идеалов социализма впали в «тоталитаризм» с его неизбежными злоупотреблениями властью; как после 1985 г., когда под лозунгом «больше социализма!» скатились в дикость первоначального накопления капитала и рэкет, соответствующий ещё более древним нравам эпохи становления феодального строя.

Будущее осуществляется не соответственно провозглашённым идеалам, но соответственно реальной нравственности людей, управляющей всей психической деятельностью личности и коллективов[1].

Если господствующая в обществе нравственность не изменяется, то последовательность «прошлое — настоящее — будущее» действительно замыкается в кольцо. И эти кольца — инфернальные круги нескончаемых мучений на Земле. В.О.Ключевский об этом сказал так:

«Закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности». «История не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». «Мы гораздо более научаемся истории, наблюдая настоящее, чем поняли настоящее, изучая историю. Следовало бы наоборот».

Это — правильнее и глубже, чем воспроизведённая Н.С.Михалковым мысль А.П.Чехова. Но при таком понимании обусловленности объективно неизбежного будущего исторически реальным прошлым; прошлым, облагороженным в наукообразном мифе; настоящим, частью которого являются и идеалы будущего и реальные намерения, не всегда совпадающие с идеалами, — становится ясно, что «фильмы о будущем» — действительно один из важнейших залогов его формирования. Однако американская кинофантастика о будущем, заполонившая экраны России, самоубийственна и разрушительна для подвластной её идеям и сюжетным линиям цивилизации.

Если в качестве примера её несостоятельности взять “Пятый элемент” (один из популярных фильмов о спасении человечества от «мирового зла»), то цивилизация с показанными в фильме нравами и этикой самоуничтожится раньше, нежели достигнет такого уровня технико-технологического развития. Но и сама «спасительница мира» в фильме — девушка, доставленная на Землю из другой цивилизации, пробудившись в реаниматоре после восстановления её тела, от которого остался фрагмент руки, уцелевший при уничтожении её космического корабля пиратским истребителем, ведёт себя не как Человек или представитель высокомудрой и добронравной иной цивилизации, а как дикий безумно напуганный зверь, усыплённый на свободе и очнувшийся в клетке зоопарка. Так что о западных фильмах о будущем техносферной цивилизации, в их большинстве, говорить нечего[2].

Но на вопрос о съемках «кино о будущем» кинематографисту-«державнику» ответить нечего потому, что нет нравственно приемлемого для него будущего: то, что нравственно ему приемлемо — это либо невозможно, поскольку Россия это изжила, либо — катастрофа при попытке осуществить в жизнь (однако об этом далее).

---

[1] См. об этом “Диалектика и атеизм: две сути несовместны”, “Свет мой, зеркальце, скажи…” в работах “О расовых доктринах: несостоятельны, но правдоподобны”, “Обмен мнениями. Ответ хопёрским казакам”.

[2] Гораздо более для будущего актуальны экранизации разного рода волшебно-магических «фэнтази»: “Гарри Поттер”, фильмы по произведениям Р.Толкинена, и более ранние. Это — своеобразное предложение отказа от технической цивилизации и перехода к биосферно-магической, возможно через катастрофу техносферной.

Кинематографисты же «либералы» (кинорежиссёр Алексей Герман) деятельно снимают сериал “Трудно быть богом” по одноименной повести братьев Аркадия и Бориса Стругацких, агитируя тем самым подрастающее поколение за желанное им будущее. Этот вариант лучше американского тем, что идеал миров братьев Стругацких исключает катастрофу техносферной цивилизации, а освоение разного рода сверхвозможностей человека (в терминах жанра «фэнтази» — становление биосферно-магической цивилизации) протекает в её недрах безконфликтно по отношению к обществу, но под контролем некоего ордена (КОМКОН), стоящего над действующим законодательством и имеющего право действовать помимо него (“Жук в муравейнике” и прочие «саги» о «прогрессорах»).

> Но если «либералы» будут честны перед собой, то в мирах братьев Стругацких победил фашизм. Этот фашизм в повседневной обстановке высоко культурный, деликатный и благообразный, но если ордену что-то не по нраву, то орденский фашизм выпускает когти и безжалостно уничтожает с ним несогласных или не понятых орденом[1].

Выражена ли альтернатива этому «будущему по-Стругацким» в советской культуре? — Да. Братья сами признавали, что они не хотели бы жить в будущем Земли, описанном И.А.Ефремовым, подразумевая его романы “Туманность Андромеды” и “Час быка”.

Если взять поправку на атеизм И.А.Ефремова, то будущее Земли у него человечно: тайных орденских структур нет, всё гласно, в единстве слова и дела[2], в обществе лад между людьми, цивилизация в ладу с природой, места фашизму и тайным или явным олигархиям (силовым. финансовым, интеллектуальным и т.п.) — нет.

Малочисленная социальная группа тех, кому такой образ жизни неприемлем в силу сохранения ими атавистической нравственности, соответствующей животно-демоническому строю психики и господствующей в наши дни, живут на специально выделенном для этого Мадагаскаре[3]. Там они живут по своим нравам на основе натурального деревенского хозяйства, более всего соответствующего индивидуализму, однако при экономической поддержке остального общества и под опекой, исключающей злоупотребления со стороны наиболее сильных из них в отношении более слабых, но вольны вернуться и к обычной жизни остального общества, когда того пожелают.

К настоящему времени “Туманность Андромеды” и “Час быка” — единственные произведения в жанре *агитации за счастье всех и каждого в обществе человечности,* достаточно широко известные. Именно они выражают объективно состоятельную перспективу идеи «державности» в глобальных масштабах.

Однако «державникам» из “элитарной” интеллигенции такое будущее, в котором нет места “элите” и самопревознесению индивидуализма, нравственно неприемлемо. Поэтому в 1960-е гг. попытка экранизации “Туманности Андромеды” зависла после съемки первой серии, а вопрос об экранизации “Часа быка” даже и не вставал. А в наши дни ведущий кинематографист-«державник» ушёл от ответа на прямо поставленный вопрос.

---

[1] Альтернативные фашизму возможности в “Жуке в муравейнике” отвергнуты и остаются скрытыми во фразе умирающего зомби, несущего в себе информацию более древней внеземной сверхцивилизации: “Стояли звери около двери, в них стреляли, они умирали…”

[2] По крайней мере на Земле. В “Часе быка” есть эпизод, в котором земляне врут ради достижения поставленной цели — спасения другой планеты: для того, чтобы получить разрешение на посадку звездолёта от властей погибающей цивилизации на планете Торманс, им показывают под видом прямого эфира видеозапись заседания некоего совета. Но надо отдать должное — развитие сюжета таково, что за ложь солгавшая расплачиваются жизнью.

[3] Это формальный повод упрекнуть в фашизме И.А.Ефремова: некоторые источники утверждают, что Гитлер хотел не уничтожить всех евреев, а переселить их на Мадагаскар и изолировать там, да был втянут в мировую войну: начиная войну с Полшей в 1939 г., он не предполагал, что она станет мировой.

Тем не менее, фильмы о будущем можно снимать и перенося действие в прошлое. В этом случае на долю зрителя выпадает миссия дать ответ на вопрос: Фильм снят о будущем? либо всё же фильм снят о прошлом?

Как дать ответ на этот вопрос? — В историческом развитии общества меняются не только техника, но и нравы и этика людей. Техника определяет внешний облик искусственной среды обитания, которая является фоном — историческими декорациями, в которых протекает жизнь и деятельность людей, являющихся носителями нравов и этики.

В реальной истории есть определённое — свойственное ей и характеризующее каждую её эпоху — соответствие техносферы и нравов и этики людей. Искусство кино позволяет это объективное соответствие техносферы и духа, свойственное реальной истории, изменить. И это позволяет снять фильм о будущем в декорациях прошлого, а фильм о прошлом — в декорациях будущего.

Если же общество давным давно застыло в своём нравственно-этическом развитии или откатилось на рубежи, бывшие прогрессивными в далёком прошлом, то это позволяет в экранизации не только перенести сюжет некогда современной, а ныне древней пьесы, в техносферу другой, более поздней эпохи, но перенести сюжет так, что отсутствие нравственно-этического прогресса будет выражаться в том, что *пьеса будет смотреться.* А если её героев обрядить в соответствующую эпохе техносферы одежду, и в титрах не указывать первоисточник авторского текста, — то невежественная в своём большинстве публика и не догадается, что автор текста давно умер.

Примером такого рода фильмов является американская экранизация “Ромео и Джульетты”, в которой Леонардо ди Каприо (всем известный по “Титанику”) играет Ромео[1]. Фильм снят в обстановке современного большого приморского города США. И если бы с героев Шекспира сняли средневековые костюмы и обрядили в современную одежду, то фильм вполне бы сошёл для многих наших современников за историю растоптанной любви подростков из двух враждующих мафиозных кланов, которую авторы почему-то решили рассказать стихами. Жизненность этой экранизации (сюжет создан в 1595 г., повествует о временах феодализма; декорации в фильме, за исключением средневековой одежды, — конец XX века) — прямое свидетельство отсутствия нравственно-этического развития общества Запада. Если бы нравственно-этический прогресс был, то сюжет фильма воспринимался бы как вторжение прошлого в нашу современность.

У Н.С.Михалкова есть два постсоветских фильма, сюжеты которых — нравственно-этическое действо — разворачиваются в декорациях прошлых эпох. Это “Утомлённые солнцем” (1994 г.) и “Сибирский цирюльник” (закончен в 1998 г.).

О своём образе мышления Н.С.Михалков говорит: «Я художник и мыслю образами, мне близкими» («Деловой завтрак» в упомянутой “Российской газете”). И не может быть иначе: образы в последовательности сюжетных планов (эпизодов) фильмов, которые мы видим, есть выражение одного из потоков *мышления кинохудожника, образами ему близкими.* Но это не только самовыражение, но и повествование кинохудожника образами, адресованное другим людям, более или менее широкому их кругу. Н.С.Михалков претендует на то, чтобы этот круг был достаточно широким:

«Быть похожим на Михалкова — значит пытаться быть похожим, скажем, на Бондарчука[2], а это умение рассказать историю, которая должна волновать человека. Это принцип, который я лично исповедываю. Кино Тарковского, Киры Муратовой, Алексея Германа — это арт-хаусное кино, которое может быть востребовано тогда, когда существуют Гайдай, Данелия, Бондарчук, Озеров. Но если такая авторская картина выйдет на всех 30 тысячах

---

[1] Этот фильм не шёл широким показом по экранам России. Он был показан с субтитрами на языке оригинала в С-Петербурге (и может быть, — в Москве) в нескольких кинотеатрах с системой «Долби».

[2] Это напрасное уподобление: С.Ф.Бондарчук — народен, всё его творчество — агитация за счастье. А Н.С.Михалков — “элитарен”, его творчество большей частью любование барством, которое помимо его воли объективно является показом того, как человеку жить не должно.

киноэкранах — это немыслимо, потому что это личный взгляд художника, который не требует того, чтобы он был разделен. Кто-то выговаривается так, как Тарковский, и становится классиком, а кто-то пытается выговориться, но у него это не получается, и он не становится классиком, а становится спивающимся человеком, который мучается из-за непонимания. Кино интеллектуально-эстетствующее может быть только тогда, когда есть серьезная киноиндустрия, умноженная на профессию, на ремесло, на технологию и на осознание того, для кого ты снимаешь это кино».

Но кроме того, что должно быть «осознание того, для кого ты снимаешь это кино», у кинохудожника должно еще быть и осознание того, *как изменится нравственность и этика твоего зрителя под воздействием твоего фильма*. Если этого нет, то это будет для художника беззаботно-эстетствующее кино («искусство для искусства равняю с птичьим свистом»), однако и на него зрительская аудитория как-то прореагирует. Но просмотр фильма, авторы которого сумели взволновать душу зрителя, это не только сопереживание зрителя тем или иным персонажам, не только запечатление образов фильма в памяти. Это также и выработка отношения к тому, что явили, высказали кинохудожники в образах последовательности сюжетных планов, составляющих фильм.

Язык киноискусства — язык образный и он обладает тою особенностью, что отношение кинохудожника и зрителя к образам и сюжету фильма невыразимо в образах са́мого фильма, по крайней мере в более или менее реалистичном кино: злодей не может быть отталкивающе карикатурным, поскольку станет не жизненным; добропорядочный человек может быть и не бросающимся в глаза; черты доброго и злого присутствуют в разных людях, проявляются в разных обстоятельствах по крупному и в мелочах. Чтобы фильм состоялся — персонажи должны быть жизненны. А для этого все его персонажи должны быть любимы создателями фильма. Да сюжет фильма, его образы как-то выражают отношение кинохудожника к жизни общества, к прошлому, к настоящему, к перспективам, но его отношение к сюжету и образам самого фильма в удавшемся фильме невыразимо в образах и сюжете са́мого фильма.

Вследствие этого всякий фильм, и особенно удавшийся фильм, — «вещь в себе», т.е. вещь, скрывающая в себе многое и от создавших его кинохудожников, и от зрителей.

Но отношение к сюжету и образам фильма выразимо либо в иной системе образов и сюжете (иного фильма), либо в словах. И оно обусловлено нравственностью зрителя, включая и кинохудожника, являющегося одним из первых зрителей. А из всякой «вещи в себе» каждый зритель имеет возможность выбрать то, что более всего соответствует его нравам, а также и то, что наиболее противно его нравам. Поэтому отношение к сюжету, персонажам и образам фильма у всех разное и будет выражаться в разных словах: и в зависимости от того, что чему соответствует кино — либо фабрика уводящих от реальности пьянящих грёз, либо — информация к размышлению и поучению.

Высказав это о производстве и восприятии кинофильма, перескажем вкратце, не мелочась на детали, сюжеты “Утомлённых солнцем” и “Сибирского цирюльника”, сосредоточившись не на эпохе, датируемой по техносфере, а на нравах и этике персонажей. После этого каждый может ответить на вопрос, желает ли он в будущем жить в обществе с такими нравами и этикой? — что по существу и является ответом на вопрос: снят фильм о прошлом? либо фильм снят о будущем, но в декорациях прошлого?

*   *   *

“УТОМЛЁННЫЕ СОЛНЦЕМ”. Красный командир, в прошлом герой гражданской войны, лично знакомый со Сталиным, некогда пристроил Митю — выходца из “элиты” общественного строя, ниспровергнутого в революции, — работать в органы ЧК. Таким, как Митя, безразлично в какой форме осуществляется их “элитарность”: в форме принадлежности к дворянству российской империи или в форме принадлежности к спецслужбе иного «тоталитарного» государства, — они настолько беспринципны, что им проще изображать из

себя истинных коммунистов, нежели влачить бедственное существование в эмиграции. Поскольку таких выходцев из прежней “элиты” в органах ЧК-ОГПУ-НКВД было много (высокий культурный уровень, широкое образование, знание языков были востребованы и разведкой, административной деятельностью), то они, совершенствуясь в профессионализме спецслужбы, поднимались по служебной лестнице. Они делали карьеру, не разделяя идеалов социализма, и под их влиянием с течением времени органы “элитаризовались”. “Элитаризовавшись”, они стали умышленно вредить социалистическому строительству, которое должны были поддерживать и защищать. Поэтому Митя тоже сделал карьеру в рядах лицемерных приспособленцев.

Пока Митя делал карьеру в ЧК, красный командир тоже делал карьеру, но по другому ведомству — в армии. За это время он успел жениться на женщине, в которую некогда был влюблён Митя. Эта женщина по социальному происхождению также принадлежала к прежней “элите”, и под воздействием её родственников красный командир тоже “элитаризовался”. Не сумев освоить достижений культуры, хранимых представителями прежней “элиты”, красный командир тем не менее сумел превознестись над остальным обществом в потребительстве: служебная машина, дача как место прожигания жизни и т.п. Но вообще-то сам он был человек не злой и даже с порывами к справедливости.

Последнее хорошо показано в сцене остановки им танковых учений на несжатом поле. Но как утверждают многие, служившие в армии в ту эпоху, такое могло быть единичным злоупотреблением или халатностью при организации учений, но никак не типичным явлением в системе боевой подготовки РККА тех лет. То есть, введя в сюжет этот эпизод Н.С.Михалков «прогнулся» перед бывшими у власти в период съёмок фильма «либералами» — противниками «тоталитаризма»: солгал в статистическом смысле: единичное явление представил как всеобщее, типичное для эпохи.

Но поскольку все разноведомственные “элиты” мечтают исключительно о своём полновластии в обществе, то настало время межэлитарной борьбы за власть, и Митя приехал арестовывать красного командира. Весь день они кривлялись и позёрствовали друг перед другом на даче. Командир, поддавшись нормам формальной личной чести а-ля «дворянство» безотносительно к делу, которому решил служить, потерял революционную бдительность и, вместо того, чтобы на время нейтрализовать Митю и позвонить напрямую Сталину, дабы тот пресёк злоупотребление властью органов ЧК[1], поплыл по течению обстоятельств. После ареста он вспылил, домогаясь справедливости, и был избит. Его скрутили по рукам и ногам и доставили в тюрьму. А Митя вернулся к себе домой и, не вынеся своей нравственно-этической раздвоенности, перерезал себе вены.

В «сухом остатке» остается:

«Общество праведного общежития не может быть составлено из негодяев» (В.О.Ключевский, конец XIX — начало XX века). «Одни злочестивые вкушают ярость других» (Коран, VII век). То есть, это фильм о прошлом, нравственность и этика которого нежелательны в будущем.

“СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК”. Курсант военного училища (дореволюционное название — юнкер) под хмельком попадает в психологическую зависимость от иностранки, бывшей проститутки, впоследствии — аферистки, и решает, что к нему пришла любовь.

Под предлогом возврата курсанту забытой им фотографии аферистка вступает в контакт с армейским генералом — запойным алкоголиком, который является начальником во-

[1] В аналогичной ситуации С.М.Будённый, позвонив Сталину, отстреливался на даче с адъютантами из пулеметов от группы захвата НКВД примерно в течение получаса, пока на машине экстренно не приехали представители Сталина и не отменили операцию ареста маршала С.М.Буденного.

енного училища, где учится и несет службу курсант. Кроме того старый генерал — член некоего технического комитета, распределяющего бюджетные средства на научно-технические исследования. Пожилой дурак тоже впадает в психологическую зависимость от иностранной аферистки, целью деятельности которой является проталкивание в России проекта её патрона.

Спустя некоторое время аферистка обнаруживает, что и она сама находится в психологической зависимости от курсанта, и тоже полагает, что это — любовь.

Заблуждения аферистки, курсанта и — прежде всего — кинорежиссёра по части любви истинной и страстей проистекают от того, что они либо забыли, либо никогда не знали и не понимали смысла слов апостола Павла: *«любовь — совокупность совершенства»* (Колоссянам, 3:14); *«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»* (Коринфянам, 13:4 — 8). И естественно, что пребывая в плену страстей, не имеющих ничего общего с истинной любовью, главные персонажи фильма продолжают делать всякие гадости друг другу и окружающим.

Будучи одержим инстинктивной страстью к аферистке и снедаем ревностью по отношению к своему командиру — генералу, в отношении которого аферистка плетёт интригу, курсант совершает множество дурных поступков, среди которых — посягательство на убийство в ходе дуэли своего товарища по училищу, такого же как и он сам стоеросового оболтуса. Тем самым курсант подставляет командира роты, капитана-служаку, который, хотя звёзд с неба хотя и не хватает, но действительно искренне заботится о подчиненных, как о своих детях. В довершение всего «влюбленный» под воздействием страстей срывает любительский спектакль и тем самым подводит своих товарищей. Поскольку он учинил хулиганство в зале к тому же в присутствии члена царской семьи — великого князя — и это невозможно замять, то он попадает под суд.

Но судят его не за хулиганство, а, скрывая истинную подоплёку событий, — как бы за попытку покушения на великого князя. А жизнь князя якобы спас, заслонив его собой и пострадав «в боестолкновении с террористом», старый дурак — начальник училища и запойный алкоголик. В результате курсант идёт на каторгу, а потом на поселение, а генерал — как ни в чём не бывало — продолжает службу, хотя все знают, как на самом деле было дело.

Есть в фильме и сюжетная линия с горничной матери курсанта — Дуняшей, которая тоже строит на него виды. Пересидев заморскую аферистку, она поехала в Сибирь на место ссыльного поселения, где стала его женой, а он стал её собственностью. Но в сцене посещения аферисткой их дома на поселении в Сибири Дуняша прячется с серпом, будучи готова то ли порешить себя и детей, то ли убить соперницу и пойти, как минимум, на каторгу. То есть психологическая — инстинктивная по своей природе, животная привязанность есть и здесь: страсти кипят, но любви нет…

В фильме прошли годы — двадцать лет, и герои, вспоминая свою юность, уже изменились, многое переосмыслили в своём прошлом, в чём-то изменились и их нравы. Это жизнь…

Могут возникнуть возражения по поводу такого пересказа: А как же сцена в Кремле, проникновенная устремлённая в будущее речь императора Александра III перед юнкерами? — А никак. Александр III сам уничтожает её созидательную силу: за его проникновенным обращением к будущим офицерам следует выпивка. И такие застолья с выпивкой — норма всех официальных и неофициальных мероприятий во времена монархии и послесталинского застоя. Соответственно судьбы многих выслушавших речь будут исковерканы в периоды их опьянения точно так, как была исковеркана его же пьяными действиями в поезде судьба юнкера Толстого. А некоторая часть, начав с такого праздничного пития, неизбежно станет алкоголиками, но, сделав карьеру, сменит генерала Радлова и его морально разложившихся

сверстников у рычагов власти. Политика будет по-прежнему проводиться под руководством агентов влияния вопреки стратегическим интересам народов империи: втягивание России в русско-японскую войну, в первую мировую при подчинении власти агентам влияния — неизбежны, а войны повлекут за собой революции, которые сметут разложившуюся “элитарную” государственность. Кто этим воспользуется — вопрос, на который ущербно и однобоко ответил фильм “Утомлённые солнцем”.

То есть в сцене выпивки в ответ на речь царя прошлое-настоящее-будущее замыкается в круг, в результате чего предстоявшее тогда будущее стало ужасным.

В «сухом остатке» остаются вопросы:

Хотите ли вы, чтобы в будущем Россия управлялась запойными алкоголиками, которые забыв обо всём, попадают в зависимость от заморской подъюбки, постоянно лицемерят и действуют по принципу *«честь (своя) дороже, чем жизнь (чужая)»;* решения в области государственного управления принимают, не успевая протрезветь; идут на поводу у агентов влияния заморского капитала или резидентуры при попустительстве всего остального общества, увлеченного страстями и мелкими делишками? Хотите ли вы ишачить на родовитую “элиту”, которая претендует на свои особые властные и потребительские права, но сама профессионально пуста, вследствие чего службу за неё тянут простые служаки? Хотите ли вы, чтобы вы сами и ваши дети и внуки были заложниками дурной политики такой “элиты”? Чтобы одержимые пьяным бесом «превосходительства» били вас по лицу своего куража ради, а вы не смели оказать сопротивление под угрозой расстрела[1]? Либо вы хотите войти в ряды такой “элиты” и безответственно помыкать жизнью других?

* * *

И те, кто видел оба фильма, должны признать, что в своём пересказе мы не изолгали сюжеты обоих, а просто затронули тот слой, который относится к социологии, к устройству жизни общества, оставив в стороне тот слой сюжетов, который включает в себя своеобразие индивидуализма каждого из его персонажей, их чувства и переживания. В реальной жизни, как и в хорошем кино, оба эти слоя — два разномасштабных уровня организации духовности общества — взаимодействуют друг с другом. В этом взаимодействии и совершается нравственно-этическое развитие или деградация общества и каждого из людей. Но если высказаны мнения, отнесённые нами к «сухому остатку», и они подкреплены волей людей и поддерживаются Свыше, то показанный в фильмах характер взаимодействия обоих уровней в организации духовности общества становятся невозможными.

Иными словами творчество Н.С.Михалкова показывает, что идея «державности» в толпо-“элитарном” варианте не имеет в России будущего.

И надо сказать Н.С.Михалкову спасибо за оба этих фильма: хорошо снято; хорошо и убедительно показано, как недопустимо России жить в будущем. Хотел он того либо же нет, — значения не имеет.

Но “элитарных” «либералов» и «державников» («тоталитаристов» на языке «либералов») объединяет одно общее качество — уклончивость, уход от вызовов времени, нежелание выявлять и разрешать проблемы, мешающие всем и каждому жить в обществе в любви и согласии, как то заповедал людям Бог.

Если Д.А.Гранин признался в своей неспособности к этому прямо, то Н.С.Михалков прямо в ней не признался, а своё косвенное признание — вряд ли понял.

---

[1] Нижний чин, ударивший офицера, подлежал суду, и за это преступление полагалась смертная казнь, а в лучшем случае — каторга.

23 декабря 2001 программа ОРТ “Клуб путешественников” в сюжете, посвященном Китаю, привела высказывание Конфуция (около 551 — 479 гг. до н.э.):

«Когда названия неправильны — суждения несоответственны. Когда суждения несоответственны — дела не исполняются».

“Российская газета” в заголовок «Делового завтрака» вынесла слова, сказанные Н.С.Михалковым в следующем контексте:

«Вот сегодня все задают вопрос — «как жить?» и никто не задаёт себе вопроса — «зачем жить?»[1] А ведь исконно первым вопросом для русского человека был «ради чего жить?», а потом уж «как?». И мы узнаем «как жить», когда задумаемся «зачем жить».

Но дело обстоит не совсем так, а если точнее, — то совсем не так. Хотя дальнейшее может показаться тем, кто пленён авторитетом Н.С.Михалкова, злобными придирками, игрой в слова и незначительными деталями, но Конфуций — прав: реально постановка вопроса «зачем, ради чего жить?» вовсе не гарантирует того, что субъект, задавшись этим вопросом, доведёт свои размышления на эту тему до получения определённого по смыслу, пусть даже и неправильного по существу ответа. Пример тому Васисуалий Лоханкин — интеллигент из “Золотого телёнка”, нескончаемо, но бесплодно размышлявший на тему о «великой сермяжной правде» народа, и потому не знавший определённо ни «ради чего жить?», ни «как жить?». Но борщ он трескал с превеликим аппетитом и удовольствием.

> Только определённый по смыслу ответ на вопрос «зачем, ради чего жить?» позволит получить определённый по смыслу ответ и на вопрос «как жить?»: то есть, что можно делать и в каких обстоятельствах, а что нельзя? что до́лжно делать с доверием Богу, не взирая ни на какие обстоятельства, а что недопустимо делать ни при каких обстоятельствах?

Полученные ответы на вопросы «зачем?» и «как?» могут быть и правильными, и ошибочными как в целом, так и отчасти. Но жизнь Божьим промыслом приведёт всякого, кто определился во мнении в ответе на них и честно следует своим суждениям по жизни, в ситуации, в которых он сможет освободиться от своих прежних ошибочных мнений и убедиться в праведности других мнений; сможет, задавшись этими же вопросами, неисчерпаемыми по своей сути, получить новые ответы на них. И так каждый может подниматься по спирали к истинной объективной праведности, преображая в этом процессе и свою личность, и жизнь общества.

Но тот, кто явно или неявно, уклоняется от ответа на вопрос «зачем, ради чего жить?», растрачивая силы в какой-то суете (в том числе и в профессионализме, затмившем жизнь); или попросту «тянет время», не желая принять даваемый Жизнью ответ на этот вопрос, поскольку такой ответ требует от человека изменить свойственную ему нравственность и этику, — тому нет места в светлом будущем, его будущее — в инфернальном кольце, о котором сказал А.П.Чехов, и что повторил Н.С.Михалков. Либо у него вообще нет будущего, если в обществе есть силы, целенаправленно работающие на осуществление светлого будущего и памятующие о том, что общество праведного общежития не может быть составлено из негодяев и их пособников, нескончаемо размышляющих и говорящих на разные темы, но ни в чём не уверенных, либо подневольных мифологизированно облагороженному прошлому.

19 — 24 декабря 2001 г.

[1] За всех-то не надо расписываться, Никита Сергеевич.